

**Рецензия на монографию: Цзинь Чунцзи. История Китая XX века /
пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб:
Изд-во СПбГЭУ, 2023. 616 с.**

История Китая в последние годы вызывала в России живой интерес среди как представителей академического сообщества, так и широких слоев общественности. Этот интерес получил отражение во множестве публикаций, среди которых в первую очередь необходимо упомянуть монументальную серию «История Китая с древнейших времен до наших дней»¹.

Особое место в этом массиве исследований занимает осмысление китайского исторического процесса китайскими исследователями. За последние пять лет на русском языке вышла четырехтомная серия «История китайской цивилизации»², а также десяти томная научно-популярная серия «Блестящие эпохи в истории Китая». Тем не менее, за рамками обеих серий остается один из наиболее противоречивых и интересных периодов китайской истории — вторая половина XX в. В этой связи выход в свет русскоязычного перевода монографии китайского историка Цзинь Чунцзи «История Китая XX века»³ безусловно является весьма важным событием.

Цзинь Чунцзи (р. 1930) — один из наиболее авторитетных специалистов по Китаю XX в. С 1984 по 2004 гг. он работал заместителем директора Научно-исследовательского кабинета по изучению документов при ЦК КПК (в 2018 г. реорганизован в Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК). Занимает должность профессора в Пекинском и Фуданьском университетах, Китайской академии общественных наук, а с 1994 г. является иностранным членом РАН.

Оригинальная версия рассматриваемой монографии, во многом представляющей собой кульминацию творческого пути Цзинь Чунцзи,

вышла в 2009 г.⁴ В 2012 г. увидело свет сокращенное издание⁵, на основе которого (с купюрами) выполнены русский и английский⁶ переводы. Наконец, в 2021 г. было выпущено исправленное и дополненное издание⁷.

К сожалению, как в русскоязычный, так и в англоязычный вариант монографии не вошла последняя глава, в которой содержится довольно много интересных размышлений автора о сущности китайского исторического процесса в XX в., артикулированных во многом с помощью современного китайского категориального аппарата. В частности, отмечается, что основной мотив китайской истории XX в. — «великое возрождение» 伟大复兴, одна из важнейших идеологем современной китайской политики, возникшая уже у Сунь Ятсена. По мнению Цзинь Чунцзи, великое возрождение означает не только подъем Китая как могучей державы, заботящейся о благополучии своего народа, но и ответственность Китая перед всем миром. Под этим понимается неприятие Китаем силовой политики и великодержавных геополитических игр, его стремление к мирному сотрудничеству, внесению вклада в общечеловеческое развитие⁸. На основе такого понимания «великого возрождения» автор монографии и выстраивает повествование.

¹ История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 томах / гл. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 2013–2017.

² История китайской цивилизации. В 4 томах / под ред. Юань Синьпэя, Янь Вэньмина, Чжан Чуаньси, Лоу Юйле. М.: Шанс, 2020.

³ Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 616 с.

⁴ 金冲及. 二十世纪中国史纲 [Цзинь Чунцзи. Очерки история Китая XX века]. 北京: 社会科学文献出版社, 2009 年.

⁵ 金冲及. 二十世纪中国史纲: 简本 [Цзинь Чунцзи. Очерки история Китая XX века: сокращённое издание]. 北京: 社会科学文献出版社, 2012 年.

⁶ Jin Chongji. Survey of Chinese History in the Twentieth Century. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023.

⁷ 金冲及. 二十世纪中国史纲: 增订版 [Цзинь Чунцзи. Очерки история Китая XX века: исправленное и дополненное издание]. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2021 年.

⁸ 金冲及. 二十世纪中国史纲 [Цзинь Чунцзи. Очерки история Китая XX века]. 北京: 社会科学文献出版社, 2009 年. 第1356–1357页.

Внутриполитическая динамика

В целом в монографии дается довольно взвешенная оценка всем ключевым событиям первой половины XX в. Революция 1911 г. запустила процесс трансформации китайского государства и китайского мышления, но в силу отсутствия опыта революционного движения китайцы не сумели сразу же направить страну по верному курсу, что привело к длительному периоду политической дезинтеграции. Прогрессивные силы вынуждены были «нащупывать камни» в условиях тяжелейшей борьбы — сначала с монархическим проектом Юань Шикая в рамках второй революции (1912) и войны в защиту Республики (1915–1916), а затем с «наследниками» Юань Шикая в Бэйянской клике в рамках движения в защиту Конституции (1917–1922), Движения 4 мая (1919) и национальной революции 1925–1927 гг. В конце концов Мао Цзэдун путем проб и ошибок сумел найти верную стратегию противостояния Гомиьндану и привести КПК к победе в 1949 г.

Цзинь Чунцзи в целом довольно позитивно оценивает такие политические процессы 1940-х — 1950-х гг., как яньаньскую «кампанию по исправлению стиля» (1942–1945) и кампанию по борьбе против «трех зол» и «пяти злоупотреблений» (1951–1952), в результате которых произошло серьезное оздоровление партии и общества. Проблемы с проведением кампаний довольно быстро разрешались, и хотя случались перегибы, Мао Цзэдун лично извинялся перед безвинно пострадавшими. Но при переходе к социалистическому строительству ошибки китайского руководства становятся все более частыми и серьезными. Объясняется это прежде всего «головокружением от успехов» китайской правительства, преувеличением угрозы со стороны правых элементов (простительный промах для людей, значительную часть жизни прошедших в вооруженной борьбе), ухудшением внешнеполитической обстановки, нехваткой экономических знаний у китайского руководства. Более фундаментальная причина упоминается автором в непереведенной главе исследования, где Цзинь Чунцзи отмечает, что одна из характеристик китайской истории XX в. — прогресс через непрерывный поиск (在不断探索中前进)⁹. У Китая не было готовых ответов на стоящие

перед ним вопросы, ему только предстояло на практике познать объективные социально-политические и экономические законы, поэтому ошибки были неизбежны.

При описании причин «культурной революции» Цзинь Чунцзи выделяет четыре фактора: (1) старение Мао, который хотел успеть устранить основные преграды на пути КНР к социализму до прихода к власти нового поколения китайских лидеров; (2) преувеличение Мао угрозы ревизионизма и влияния негативных аспектов китайского экономического развития на общество; (3) неверный подход к разрешению существующих в обществе противоречий (классовая борьба, а не развитие производительных сил); (4) установление культа личности Мао и деградация демократического централизма¹⁰. При этом автор монографии критикует тезис о том, что «культурная революция» была инициирована Мао для борьбы за власть, поскольку, во-первых, в то время никто не обладал властью и авторитетом, достаточными для того, чтобы представлять Мао угрозу; во-вторых, если бы Мао видел в ком-то угрозу, он мог прибегнуть к гораздо менее масштабным методам разрешения потенциального конфликта¹¹. Но фундаментальная проблема с аргументом Цзинь Чунцзи заключается в том, что, даже если реальных конкурентов у Мао не было, сам он вполне мог считать иначе — тем более, что сам автор неоднократно акцентирует внимание на страхе Мао перед ревизионизмом. В то же время нельзя не согласиться с тем, что «культурная революция» не сводилась к борьбе за власть.

Причины других кризисов, с которыми сталкивалась КПК, Цзинь Чунцзи видит уже не в ошибках китайского руководства, а в деятельности деструктивных сил как вовне, так и внутри страны. Так концептуализируются и события на площади Тяньаньмэнь (1989 г.), и тибетское восстание 1959 г., и неудачи на треке возвращения Тайваня.

В целом, однако, политические вопросы во второй половине монографии (период после основания КНР) отходят на второй план, а акцент делается на социально-экономическом развитии Китая. Это объясняется историко-фи-

⁹ 金冲及. 二十世纪中国史纲 [Цзинь Чунцзи. Очерки истории Китая XX века]. 北京: 社会科学文献出版社, 2009 年. 第1361页.

¹⁰ Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 441–443.

¹¹ Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 442.

лософской оптикой автора, который описывает вторую половину XX в. как второй этап в великом возрождении китайской нации, на котором китайский народ должен был построить процветающую экономику.

Российско-китайские отношения

В работе представлен довольно традиционный для китайской историографии взгляд на китайско-российские отношения.

Крайне негативно характеризуется политика России в отношении Китая на рубеже XIX–XX вв. В вину Российской Империи вменяется ее участие в геополитических играх с Японией и Великобританией за сферы влияния в Северо-Восточном Китае и Тибете, а также посягательство на китайский суверенитет в ходе Интервенции восьми держав. При этом, однако, стоило бы отметить и положительные моменты — сдерживание Российской Империей японской агрессии в Китае и Корее, финансовую и военную помощь Китаю, о чем автор не упоминает.

Первая половина XX в. концептуализируется как противоречивый период в истории китайско-советских отношений. С одной стороны, автор монографии выделяет безусловно положительные моменты: влияние Октябрьской революции на идеологическую обстановку в Китайской республике, помощь СССР двум китайским Единим фронтам, а также поддержка СССР КПК в противостоянии с Гоминьданом. С другой стороны, Цзинь Чунцзи отмечает ряд негативных аспектов в советско-китайских отношениях этого периода. Во-первых, СССР проводил курс на усмирение Чан Кайши, что лишь наоборот распалило его аппетит и во многом способствовало эскалации конфликта между Гоминьданом и КПК. Во-вторых, автор критикует великие державы за закулисную дипломатию и отказ приглашать Китай на Ялтинскую конференцию, несмотря на то, что многие обсуждаемые на ней вопросы напрямую касались территориальной целостности Китая и затрагивали его внутренние дела. При этом в монографии не освещается участие Китая в других конференциях этого периода (Московская конференция 1943 г., конференция в Думбартон-Оксе 1944 г.), на которых Пекин был привлечен к созданию новой глобальной архитектуры безопасности.

При описании отношений между СССР и КНР неоднократно подчеркивается важность для Нового Китая советской экономической и технологической помощи и дипломатического признания. В то же время довольно однобоко

освещен советско-китайский раскол. Главными причинами стремительного ухудшения отношений между Москвой и Пекином Цзинь Чунцзи считает «идеологические разногласия» и советский «великодержавный шовинизм»¹².

В самой монографии не дается пояснения, о каких именно идеологических противоречиях идет речь, но в повествовании неоднократно всплывает мотив поиска Китаем своего собственного социалистического пути с учетом исторических и социально-политических обстоятельств, отказа от слепого копирования советской экономической модели. Особое внимание уделено различиям в осмыслении Москвой и Пекином наследия Сталина: критика Хрущевым Сталина на XX съезде КПСС, обнажившая проблемы советской системы, противопоставляется взвешенной оценке китайского руководства в формате «70 % заслуг, 30 % ошибок». В монографии не освещаются иные идеологические противоречия между Москвой и Пекином. В частности, автор не уделяет внимания различию в советском и китайском подходах к международным отношениям в постсталинскую эпоху, столкновению хрущевского нарратива о мирном сосуществовании двух систем и маоистской риторики о неотвратимости мировой революционной войны и возможности применения в ней ядерного оружия.

В качестве примеров «великодержавного шовинизма» советского руководства (под которым в монографии в целом понимается стремление Хрущева консолидировать социалистический лагерь и обеспечить безусловную лояльность китайской компартии), его посягательств на китайский суверенитет автор приводит предложение СССР о создании совместной группировки военно-морского флота в 1958 г., попытки давления на КНР через выход из соглашения о новых технологиях в области национальной обороны, отказ СССР от помощи Китаю в создании ядерного оружия, отзыв советских специалистов из Китая, публичную критику линии КПК и попытки настроить против китайского руководства компартии других стран социалистического лагеря¹³. При этом ничего не говорится про действия Пекина, которые вызывали у Москвы серьезные опасения

¹² Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 409.

¹³ Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 409–410.

(прежде всего из-за воинственной риторики Мао) и также способствовали ухудшению отношений между сторонами. В частности, советское руководство было крайне недовольно тем, что КНР инициировала Второй кризис в Тайваньском проливе в 1958 г., поскольку это стало серьезным препятствием на пути к политике мирного сосуществования.

Отмечается, что, несмотря на все эти факторы, Китай предпринимал множество усилий для нормализации китайско-советских отношений, хотя эти попытки и не увенчались успехом. В то же время ничего не говорится об аналогичных действиях советской стороны. В конце параграфа про раскол советско-китайских отношений на с. 426 приводится лишь высказывание Дэн Сяопина, в котором отмечается, что «обе стороны тогда говорили много бессодержательных слов... С позиций сегодняшнего дня мы не считаем, что все сказанное тогда было абсолютно правильным»¹⁴. При этом Цзинь Чунцзи не указывает, какие заявления и действия китайской стороны в контексте советско-китайского раскола следует считать ошибочными. Из-за такой подачи материала вина за охлаждение отношений целиком возлагается на Москву.

Дальнейшая история китайско-советских отношений в монографии освещена поверхностно и фрагментарно. В небольшом абзаце, посвященном конфликту на острове Даманском, дается традиционное для китайской историографии описание причин этого столкновения: конфликт инициировали советские пограничники, вторгшиеся на китайскую территорию. Практически не освещены вопросы нормализации советско-китайских отношений в 1980-е и 1990-е гг. Вкратце упоминается лишь визит М. Горбачева в Пекин и Совместное китайско-советское коммюнике 1989 г. Не уделяется внимания дальнейшему развитию нормативной базы двусторонних отношений (в том числе Советско-китайскому договору о границе 1991 г., который во многом разрешил одну из наиболее важных проблем в отношениях Москвы и Пекина).

В начале главы 24 в рамках одного из последних упоминаний о советском (российском) измерении в китайской политике делается polemичное заявление: распад СССР во многом породил в международных отношениях тенденцию к становлению многополярности и в то же время создал благоприятные условия для даль-

нейшего развития китайской экономики. Во-первых, известно, что многие представители китайского руководства, к 1991 все еще не отошедшие от тьяньаньмэньского шока, выступали за торможение экономической реформы, и распад СССР был довольно серьезным аргументом в пользу их позиции. Во-вторых, довольно быстро Китай осознал: распад СССР во многом развязал США руки, что едва ли способствовало становлению многополярности. В этом контексте логичнее было бы обратиться к нормативной базе российско-китайских отношений, в которой зафиксировано сближение сторон по различным вопросам международной повестки (например, к Совместной декларации о многополярном мире 1997 г.).

Несмотря на все упомянутые выше полемические моменты и недостатки, работа Цзинь Чунцзи безусловно представляет собой солидное фундированное историческое исследование, которое дает представление об общих взглядах современного Китая на свою недавнюю историю.

Проблемы русскоязычного издания

Нельзя не отметить некоторые недостатки русскоязычного издания, которые во многом снижают его ценность. Основная проблема заключается в том, что в переводе ярко выражена тенденция к буквализму, из-за чего язык становится гораздо менее живым и выразительным, часто встречаются нарушения норм сочетаемости и т.д.

Крайне проблематичным при таком подходе становится перевод игры слов или культурных отсылок. Наиболее яркий пример — следующее описание Дэн Сяопина: «Чтобы искоренить “страх репрессий” у некоторых кадровых работников, он ставил себя в пример, говоря: “Я — уйгурская девушка, у меня много косичек, хватай их все”. “Надо слово “смелость” ставить впереди всех слов”»¹⁵. Из такого перевода русскоязычному читателю едва ли станет понятно, почему эти слова должны были избавить членов КПК от страха. В худшем случае читатель может и подумать, что у Дэн Сяопина были сомнения относительно его гендерной и этнической принадлежности. К сожалению, при дословном переводе была утеряна оригинальная игра слов, построенная на полисемии: 辫子 может озна-

¹⁴ Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 426.

¹⁵ Цзинь Чунцзи. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 481.

чать как «косичку», так и «слабое место, ошибку». Дэн Сяопин призывает кадровых работников не бояться совершать ошибки, ведь без них никакой прогресс невозможен: у самого Дэна промахов столько, сколько у уйгурской девушки косичек, но он все же не боится экспериментировать в социально-экономической сфере, поскольку желает родине лишь блага. Таким образом, переводчикам нужно было либо дать развернутый комментарий к своему дословному переводу, либо выбрать другое переводческое решение (в английском переводе, например, дан описательный перевод, хоть и несколько искажающий смысл).

В другом эпизоде описывается последний конфликт между Дэн Сяопином и Мао Цзэдуном. Первый должен недвусмысленно обозначить свое отношение к «культурной революции», но он тактично отказывается, говоря: «Я — человек цветущего персика (имеется в виду, что он был репрессирован на шесть лет, и покинул движение), и я не понимаю»¹⁶. Читатель, не знакомый с «Записками о персиковом источнике» (произведение китайского поэта Тао Юаньмина 陶渊明, 365–427 гг.), едва ли поймет, с чего вдруг Дэн Сяопин говорит о персиках, и почему Цзинь Чунци связывает это с периодом его опалы. Более того, читатель не узнает ни о месте этой работы в китайском политико-философском ландшафте, ни о традиции китайской не прямой критики руководства, ни об интеллектуальных корнях Дэн Сяопина.

В некоторых случаях при переводе не только теряется игра слов и культурные отсылки, но даже искажается оригинал. Так, эволюция взглядов Мао на «левацкий уклон» в начале 1970-х гг. описывается следующим образом: «Мао Цзэдун раньше много раз выступал против ультралевых идей... Но он их рассматривал только как препятствие для “Великой культурной революции”. Чжоу Эньлай был должен в процессе работы по “упорядочению стиля” сконцентрироваться на критике ультралевых, что заставило Мао Цзэдуна опасаться, не приведет ли это к фундаментальному отрицанию “культурной революции”. В середине декабря 1972 года он вызвал Чжоу Эньлая на разговор: “Крайне левых ведь немного?” “Линь Бяо крайне левый? Или крайне правый? Ревизионизм, раскол, интриги, предательство партии, предательство Родины”. Таким образом, в ходе кам-

пании за “упорядочение стиля работы” критика крайне левой идеологии не прекращалась... Мао Цзэдун... не был готов скорректировать или исправлять ведущую идеологию “Великой культурной революции”»¹⁷.

Читателю, вероятно, будет сложно уследить за логикой этого отрывка. Мао изначально критически настроен к «левому уклону», но постепенно начинает опасаться, что критика Чжоу Эньлаем ультралевых приведет и к критике «культурной революции». Он вызывает Чжоу на разговор, в ходе которого делает несколько загадочных комментариев о «левизне» и Линь Бяо, смысл которых Чжоу Эньлай, по всей видимости, не улавливает, поскольку продолжает критиковать левую идеологию в рамках кампании по упорядочению стиля. Из последней фразы вообще можно сделать вывод о том, что критика левого уклона была ведущей идеологией «культурной революции».

Если заглянуть в оригинал, то картина уже будет несколько другой. Цитата Мао выглядит следующим образом: «极左思潮少批一点吧。 林彪是极左? 是极右。修正主义, 分裂, 阴谋诡计, 叛党叛国». Таким образом, Мао призывает соратников меньше критиковать ультралевых и заявляет, что Линь Бяо на самом деле ультраправый, что он повинен в ревизионизме и иных грехах. Далее говорится о том, что из-за такой позиции Мао критика левого уклона «不能不中断», «не могла не прекратиться».

Переводческие ошибки приводят к искажению фактов и в ряде других мест. Так, на с. 494 Хуа Гофэн, идеологический оппонент Дэн Сяопина, превращается в критика «культурной революции», а на с. 538 один из авторов китайской экономической реформы Чжао Цзыян внезапно заявляет о проведении нового «большого скачка»: «социалистическое общество Китая находится на начальном этапе, и мы должны исходить из этого реального факта, перескакивая через этот этап». А из переводческого комментария на с. 41 читатель узнает, что три конфуцианских устоя означают «относись к отцу как к сыну, к королю как к министру, а к мужу как к жене».

Подобных ошибок в переводе очень много, из-за чего у читателя, не имеющего возможности ознакомиться с оригиналом, может либо сложиться неверное представление о китайской

¹⁶ Цзинь Чунци. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 486.

¹⁷ Цзинь Чунци. История Китая XX века / пер. с кит. Уржумцева Т.Б., Ковалева А.А. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 471.

истории, либо зародиться сомнение в компетентности Цзинь Чунцзи.

Встречаются неверная транскрипция китайских имен (пальма первенства здесь традиционно принадлежит смещению «н» и «нь») и ошибки при их склонении. Кроме того, переводчики не всегда верно расшифровывают приведенные в оригинале имена. Так, на с. 31 говорится о некоем учителе Сунь Ятсена «Кандэ Ли», под чьим именем «скрывается» Джеймс Кэнтли. Возникают проблемы и с корректным употреблением японских имен: например, на с. 109 говорится о «министре Кидзюру», хотя «Кидзюру» (корректная транскрипция — Кидзюро) не фамилия, а имя.

Наконец, встречаются разные варианты перевода одного и того же термина (что, вероятно, объясняется тем, что у монографии два переводчика). Так, на с. 426 говорится о «четы-

рех чистках», а на с. 441 — о «движении “Сыцин”», которое здесь же переводят как «движение за 4 чистоты».

Важное преимущество русскоязычной версии по сравнению с английским переводом — наличие комментариев. В то же время их потенциал реализован далеко не полностью. Часто встречаются комментарии, объясняющие то явление, которое уже ранее описывалось в тексте самой монографии. При этом некоторые реалии остаются необъясненными. Наконец, сноски с комментариями соседствуют в тексте со сносками, в которых приводятся выходные данные цитируемых автором монографии китайских работ. Так ли нужны последние в русскоязычном издании? Если оставлять их, то не лучше ли было вынести их в конец монографии, чтобы они не сливались с комментариями?

© 2023

DOI: 10.31857/S013128120029384-3

Кочеров Олег Сергеевич

Кандидат политических наук, научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН (адрес: 109240, Москва, Гончарная ул., 12 стр. 1); доцент факультета политологии ГАУГН (адрес: 119049, Москва, Мароновский пер., 26). ORCID: 0000-0002-2745-5991. E-mail: kocheroviphras@gmail.com

Book Review: *Jin Chongji. Survey of Chinese History in the Twentieth Century* / tr. by *T.B. Urzhumtseva, A.A. Kovaleva*. Saint Petersburg: SPbSUE, 2023. 616 p.

Oleg S. Kocherov

Ph.D. (Political Science), Research Fellow at Department of Oriental Philosophies of RAS Institute of Philosophy (address: 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia); Associate professor at Faculty of Political Science of State Academic University for the Humanities (address: 26, Maronovskiy per., Moscow, 119049, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2745-5991. E-mail: kocheroviphras@gmail.com